

О СЕМЕЙНЫХ ШКОЛАХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ: ДИНАСТИЯ КРЮКОВЫХ*

Зимний берег Белого моря является одним из известных на Севере эпических центров. Местная сказительская традиция издавна привлекала внимание исследователей и собирателей, таких как А. В. Марков, В. Ф. Миллер, В. П. Чужимов, Э. Г. Бородина-Морозова, Р. С. Липец и др.¹ Однако несмотря на это проблема преемственности эпического наследия внутри семейных школ все еще остается актуальной.

Сохранившиеся тексты эпической традиции Зимнего берега представлены тремя поколениями золотицкой династии Крюковых. Былинная традиция Зимнего берега сложилась к концу XVIII века, однако самые ранние записи датируются 60-ми годами XIX века: информаторами И. Ф. Розанова, по всей видимости, были сказители поколения Василия Леонтьевича Крюкова (1817–1895). К младшим представителям этого поколения, которых еще успел застать А. В. Марков, относятся Гаврила Леонтьевич Крюков (1824–1913) и Федор Тимофеевич Пономарев, или «дед Почошкин».² Сложно сказать, застали ли два названных исполнителя период расцвета традиции, а замечание Маркова о том, что он встретил в конце 90-х годов XIX — начале XX века самое живое бытование эпоса в повседневной жизни золотичан, вызывает сомнение.³ Мы имеем возможность лишь перечислить, основываясь на воспоминаниях земляков, имена местных мастеров — представителей золотицкой эпической традиции, и частично реконструировать их репертуар по записям последующих поколений. Здесь уместно отметить, что сказители Крюковы не упоминают среди учителей своих ближайших родственников из старшего поколения. Более того, в воспоминаниях М. С. Крюковой, записанных Э. Г. Бородиной-Морозовой в 1938 году, нет даже намека на знание ими былин, за исключением матери Аграфены, которая, собственно, не относилась к роду Крюковых.⁴

От Г. Л. Крюкова, кроме былин («Илья Муромец и Добрыня Никитич», «Илья Муромец и Соловей разбойник») («Первая поездка Илья Муромца»), «Дунай Иванович», «Дюк Степанович», «Соломан и Василий Окулевич», «Иван Годенович»), собирате-

* Настоящая статья актуализирует некоторые проблемы русского эпосоведения в связи с продолжающейся работой над подготовкой Свода русского фольклора, очередной том которого вышел в 2018 году: Былины Зимнего берега Белого моря. СПб.; М., 2018 (Свод русского фольклора. Былины: В 25 т. Т. 8). См. также: Еремина В. И., Иванова Т. Г. Особенности текстологии былин в «Своде русского фольклора» // Русская литература. 2019. № 4. С. 5–15.

¹ См., например: Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901; Миллер В. Ф. Новые записи былин в Архангельской губернии // Известия ОРЯС. 1899. Т. 4. Кн. 2. С. 661–725; Васильев Н. В. [Рец. на:] Беломорские былины, записанные А. Марковым. С предисловием проф. В. Ф. Миллера. М., 1901 // Этнографическое обозрение. 1901. № 4. С. 138–144; Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 года А. В. Марковым, А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Часть первая: Зимний берег Белого моря. Волость Зимняя Золотица // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 11–158; Чужимов В. П. Новые записи былин в Поморье // Советский фольклор. 1935. № 2–3. С. 119–151; Бородина-Морозова Э. Г. Беломорская сказительница Аграфена Крюкова (1855–1921) // Север. 1946. С. 178–192; Былины Печоры и Зимнего берега (новые записи) / Изд. подг. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова и др. М.; Л., 1961; Липец Р. С. Введение // Былины М. С. Крюковой / Зап. и комм. Э. Бородина и Р. Липец. М., 1939. Т. 1. С. 1–48; Нелаева Е. М. Здравствуй, морюшко Белое! Сказители Крюковы из Зимней Золотицы. Архангельск, 2001, и др.

² Марков высказывает предположение, что последний был информатором Розанова, см.: Беломорские былины, записанные А. Марковым. С. 473.

³ Ср.: «По обилию сказителей и разнообразию былинных сюжетов обследованная мною местность принадлежит к выдающимся» (Там же. С. 14).

⁴ ГЛМ ФА. Инв. 55/27. Ед. хр. 27.

лем были записаны следующие старины, усвоенные им от золотицких сказителей старшего поколения: «Святогор и Илья Муромец» (пересказ), «Добрыня и Змея», «Илья Муромец» (пересказ), «Первая поездка Ильи Муромца», «Илья Муромец, разбойники и Идолище», «Бой Ильи Муромца с сыном», «Камское побоище», «Дунай Иванович» («Василий Казимирович»), «Потык», «Сорок калик», «Князь Глеб Володьевич», «Василий пьяница», небылица. Марков замечает: «Из былинных героев он никогда не слышал имен: Соловья Будимировича (или Соловьевича), Ставра, Ивана Гостиного, Сухмана, Вольги и Микулы, Волхва Святославьевича, Чурилы Пленковича и Василия Буслаевича; Садка он слышал лишь от Пономарева <...>. Кроме предлагаемых старин, он знает: 1) „Неудавшаяся женитьба Алеши“, 2) „Дюк“, 3) „Козарушко“, 4) „Девять разбойников и их сестра“, 5) „Небылица“, а может быть, и некоторые другие».⁵ По мнению Ю. А. Новикова, подробно проанализировавшего репертуар разных представителей рода, тексты, записанные от Г. Л. Крюкова, «тесно связаны с местной эпической традицией» и в меньшей степени зависимы от книги, что отличает его как исполнителя от младших представителей этой фамилии.⁶

А. М. Крюкова, по сообщению Маркова, «в Золотице <...> обогатила и без того обширный репертуар своих старин, перенявши много старин у своего свекра <...>, а также несколько — у других лиц».⁷ По словам исполнительницы, от своего свекра В. Л. Крюкова она узнала следующие сюжеты: «Исцеление Ильи Муромца», «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром», «Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина», «Князь Глеб Володьевич», «Князь Борис Романович» (Данило Ловчанин), «Семейная жизнь Петра I», «Встреча двух купцов в кабаке», «Похороны Сеньки Разина». Однако Новиков справедливо подчеркнул, что не менее 17 былин, записанных от А. М. Крюковой, зависимы от книги и восходят к хрестоматии А. В. Оксенова «Народная поэзия».⁸

Схожую характеристику можно дать и репертуару Марфы Семеновны Крюковой. Она утверждала, что многие сюжеты переняла от своей матери или других родственников, что и было отмечено Марковым. Например, былин «Святогор и Илья Муромец» «узнала от покойного деда Василья Леонтьевича; слышала также от мезенцев; но иначе»,⁹ былин «Добрыня и Настасья» «переняла у деда Василия Леонтьевича; эту старину Г. Л. Крюков называл „мезенской“ и говорил, что он слышал ее от прохожего»,¹⁰ «Сорок калик» «переняла от матери и дяди Ефима»¹¹ и т. д. Однако слова исполнительницы также могут быть подвергнуты сомнению. Так, Новиков, отмечая, что ее репертуар зависим от книги, высказал, тем не менее, предположение, что «от М. С. Крюковой записано <...> 12 эпических песен, в которых доминируют или, по крайней мере, широко представлены традиционные мотивы и образы <...> Все остальные тексты Марфы Крюковой, соотносимые с традиционными былинами, восходят к печатным

⁵ Беломорские старины и духовные стихи. Собрание А. В. Маркова / Изд. подг. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002. С. 293.

⁶ Новиков Ю. А. Динамика эпического канона. Из текстологических наблюдений над былинами. Вильнюс, 2009. С. 347.

⁷ Беломорские старины и духовные стихи. С. 35.

⁸ Оксенов А. В. Народная поэзия: Былины, песни, духовные стихи. М., 1894. Ср.: «Крюковская „Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром“ <...> представляет собой соединение двух былин из хрестоматии Оксенова: „Ссора Ильи с Владимиром“ <...> и „Илья и Идолище“ <...>. Первый прототекст в свою очередь составлен Оксеновым из двух фольклорных вариантов — оригинальной архангельской версии сюжета, известной под названием „Никита Заолешанин“ <...> и прионежской версии (вариант Прохорова <...>); второй прототекст — перепечатка быliny Т. Рябинина об Илье и Идолище <...>. Перечисление всех сходжений заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся указанием на близость ключевых мотивов и формул. Стихи 10–12, 32–40, 61–63, 76–79 текста А. Крюковой восходят к былине о Никите Заолешанине, стихи 103–109 — к варианту Н. Прохорова, стихи 165, 189–209 — к варианту Т. Рябинина» (Новиков Ю. А. Динамика эпического канона. С. 350).

⁹ Беломорские старины и духовные стихи. С. 792. Ср.: Беломорские былины. С. 305.

¹⁰ Там же. С. 771.

¹¹ Там же. С. 806.

источникам».¹² Исследователь особо обратил внимание на то, что, по словам сказительницы, 17 сюжетов она переняла от матери, но даже в этих текстах детали повествования у нее ближе к книжным источникам, нежели у Аграфены Крюковой.¹³

Стоит заметить также, что большинство известных версий устного происхождения были у М. С. Крюковой восходят прежде всего к мезенской традиции, а не к местной, что вполне объяснимо их совместным промыслом. О своего рода зависимости золотицких сказителей от мезенских говорят и следующие примеры из репертуара представителей крюковской династии. Так, по указанию Маркова, текст сюжета «Святогор и Илья Муромец»,¹⁴ записанного от Г. Л. Крюкова, является почти дословной передачей рассказа, который тот слышал лет 60 тому назад (т. е. примерно в 1839 году); но в его памяти уцелел лишь отдельный фрагмент. От старика Мухи, родом с верхнего течения Мезени, умершего более 20 лет тому назад, он же перенял старину «Василий (Игнатьевич), пьяница».¹⁵ Там же исполнитель «слыхал две старины о Сеньке Разине, но теперь спеть их не может: 1) о том, как астраханский губернатор засадил Разинова сына в тюрьму; 2) как Разин в темнице рисовал на стене лодку, приглашал своих товарищей в нее сесть и уезжал из тюрьмы; ловил руками и бросал назад пули, которыми в него стреляли; долго его не могли поймать; он убивал только начальство, а простых людей не трогал».¹⁶ А. М. Крюкова указывала, что старины «Василий Богуславьевич» и «Волх Святославьевич (Всеславьевич)» она переняла от покрученников, приходивших в Золотицу с Мезенского берега; а сюжеты «Алеша Попович убивает татарина», «Женитьба Дюка Степановича» переняла у дочери Марфы, которая, в свою очередь, заучила их от работника Ортемия, родом из Мезенского края.¹⁷

Схожие выводы позволяют сделать и анализ репертуара младшего поколения Крюковых, наследовавших исполнительские традиции предшествовавших поколений. Основу репертуара Павлы Семеновны Пахоловой, второй дочери Аграфены, составляли классические сюжеты, частично усвоенные от матери, а также от Гаврилы и Василия Крюковых или восходящие к печатным источникам.¹⁸ Еще скромнее оказался репертуар младшей дочери Аграфены Серафимы Семеновны Крюковой и внучки Пелагеи Васильевны Негадовой, ограниченный единичными записями, почти полностью зависящими от текстов старших сестер. Наблюдения Новикова позволяют сделать вывод, что многие указания исполнительниц на конкретные устные источники их были явно не соответствуют действительности.¹⁹

Таков, на наш взгляд, семейный контекст творчества сказителей Крюковых. Каждое поколение этой известной династии обладало своим репертуаром, складывавшимся под влиянием самых разных источников, а потому говорить о единой исполнительской школе с устоявшейся традицией нельзя.

Наконец, напомним, что среди золотицких сказителей Василий и Гаврила Крюковы, М. С. Точилова обучались в скитах.²⁰ «Некоторые сведения, собранные мною, — отметил Марков, — позволяют предполагать, что старинные скиты также играли роль в хранении и распространении нашего эпоса <...>. Документально мне известно, что в Онуфриевском скиту пели много духовных стихов, <...> в кельях пели и про князя Владимира. Покойный сказатель Василий Крюков и хорошая сказательница Точилова выучили некоторые старины в том же скиту».²¹ Несмотря на постоянные притеснения со стороны церковных и светских губернских властей, скиты Беломорья были тесно

¹² Новиков Ю. А. Динамика эпического канона. С. 353.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Беломорские старины и духовные стихи. С. 294.

¹⁵ Там же. С. 339–343.

¹⁶ Там же. С. 293.

¹⁷ Там же. С. 778, 787, 792.

¹⁸ См. подробнее: Новиков Ю. А. Динамика эпического канона. С. 353–356. Заметим, что исследователь называет «Гаврилу и Леонтия», что, видимо, является опечаткой, так как вряд ли она могла застать в живых своего прадеда.

¹⁹ Там же. С. 357.

²⁰ Беломорские старины и духовные стихи. С. 1003–1004.

²¹ Там же.

связаны с другими старообрядческими центрами России, сюда постоянно прибывали новые люди, наставники активно участвовали в религиозных съездах и прениях с единоверцами вплоть до начала XX века. Скиты, как правило, располагались вблизи от тех мест, где пролегали «пути» мезенских и золотицких рыбаков.²² Формирование былинных «очагов» рядом со старообрядческими скитами характерно не только для Беломорского побережья. Достаточно указать на широкое распространение эпических песен на р. Пижме возле известного на Печоре Великопоженского скита. Следовательно, помимо влияния печатных источников, особенностей быта на Зимнем берегу, необходимо учитывать и воздействие исполнительской традиции северных скитов на репертуар названных представителей семьи Крюковых.

Выявленный круг сюжетов последних исполнителей Зимней Золотицы дает представление о состоянии эпической традиции на стадии угасания и, естественно, не отражает в полной мере ее бытования в период расцвета. На основании известных поздних записей можно проанализировать репертуар тех носителей фольклора, которые знали и помнили золотой век былинного исполнительства, но стали свидетелями постепенного разрушения данного культурного феномена. Учитывая условия массового заселения Мезенского, Терского и Зимнего берегов в конце XVII–XVIII веках, можно предположить, что былинная традиция («очаг») Зимнего берега сложилась не ранее XVIII века и пережила свой расцвет в конце XVIII — начале XIX века. При этом следует заметить, что исполнительская школа Крюковых приобрела известность лишь на закате традиции, в трех последних поколениях этой семьи, а потому не занимала особого положения среди знаменитых сказителей Зимней Золотицы. Следовательно, говорить о существовании здесь фамильных школ с той же определенностью, как о Чупровых на Пижме, на наш взгляд, преждевременно, а принятый теперь уже а priori вывод об устойчивости традиционных эпических сюжетов и форм на Русском Севере должен быть подвергнут существенной коррекции.

²² «Игнатьевский старообрядческий скит находился на Зимнем берегу Белого моря, на острове большого озера, расположенного в 10 верстах от устья р. Ручьи, в Архангельской губернии. Земли по берегам р. Ручьи до 1866 года входили в состав Золотицкой волости, Архангельского уезда, образованного в 1780 году из Двинского уезда. После чего они вошли в состав Майденской, а с 1868 года Койденской волостей Мезенского уезда. Сельбища Ануфриевского скита находились в верховьях р.р. Койды и Майды, вокруг Койдозера на Зимнем берегу и Мезенском берегу Белого моря» (Окладников Н. А. История Игнатьевского старообрядческого скита (середина XVII–XIX в.) // Окладников Н. А. Край родной Мезенский: очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 212).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-105-115

А. Н. Толстой

«РАЗ В ЖИЗНИ» ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ИЗ РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

© А. С. АКИМОВОЙ)

1901–1911 годы — один из наиболее важных периодов в жизни А. Н. Толстого. В это время он живет в Петербурге и учится в Санкт-Петербургском технологическом институте императора Николая I, посещает Дрезден и Париж, пишет стихи и издает поэтическую книгу «Лирика» (1907), знакомится с крупнейшими русскими литераторами своего времени. Это период профессионального самоопределения Толстого, оставившего в 1911 году институт ради литературного творчества.